

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1217

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 Солнце и пламя: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 281 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3102-1

Дорога мести редко кого приводит в те места, где все люди добры и жизнь безмятежна. Как правило, она проходит через те края, где льется кровь и слышны стоны умирающих, где небеса черны от туч, а надежды на спасение ни у кого нет. Нет ее и у учеников мага по прозвищу Ворон, но это их не слишком пугает, они уже привыкли к тому, что смерть стала их постоянной спутницей. Главное — отомстить за смерть наставника, а все прочее подождет...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Васильев, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3102-1

ГЛАВА 1

— Говорила же, что никто, кроме нас, сюда не придет, — в очередной раз сообщила Роза, после отрезала от изрядно уменьшившегося окорока кусок и начала его жевать. — И еще! Карл, если ты не перестанешь столько жрать, то скоро к нашим шеям протянется костлявая рука голода.

— Когда мне скучно, я всегда ем, — и не подумал смущаться Фальк, подбросив пару веток в трещавший костер. — Ну и потом — вон там Форнасион, в нем имеется куча лавок, а в них полно еды. Если что — отправлюсь туда да закуплю провизии.

Роза ничего на это не ответила, только подняла руки, как бы извещая небеса о том, что тупость Карла не имеет пределов.

— Да успокойся ты, — миролюбиво посоветовал последний моей подруге. — Что у тебя за этот... как его... Эраст?

— Страх преследования, — подсказал здоровяку я. — В самом деле, Роза. Видела же — до нас никому никакого дела уже нет. Почти год прошел как-никак, все минувшее пеплом покрылось, про нас давным-давно забыли.

— Ой ли? — прищурилась девушка. — И Форсез — тоже?

— Форсез — нет, — признал я. — Эта сволочь наверняка не угомонилась, но только вряд ли он сидит в том же Форнасионе, поджидая того момента, когда проглот Фальк на рынок за копченым свиным окороком припрется. Да кто ему для этих целей людей даст? Тем более с учетом последних событий?

Свежие новости бывших Центральных королевств, а ныне империи Айронт, нам были хорошо известны, поскольку по дороге мы, пусть и с опаской, но завернули в парочку небольших городков, где утолили собственное любопытство, попутно пополняя запасы провизии. Ну а как было удержаться? Все-таки почти год просидели в местах, где из собеседников одни медведи да лоси имелись. Причем под конец мы большинство из этих медведей уже начали по мордам узнавать, а когда

Фальк по зиме одного из них в берлоге расшевелил, а после на рогатину поднял, Магдалена устроила ему жуткий скандал, обвинив в том, что он осиротил двух премиленьких медвежат. Факт того, что зимнее убийство медведя с последующим его поеданием является давней баронской традицией Лесного края, ее при этом не волновал.

Впрочем, скука — понятие весьма относительное. Я еще годков сорок так бы поскучал, честное слово. Мне шума и гама последних лет надолго хватит, я, знаете ли, и сейчас иногда просыпаюсь от того, что во снах ко мне приходят картины недавнего прошлого. То я снова на поле битвы между Айронтом и Асторгом и вижу, как мага-имперца в яме заклиниванием на фарш перемальвует, то Гробницы пяти магов примерещатся, то черные мертвые глазницы Лиании на меня уставятся. Врагу таких снов не пожелаю. Ну разве только что упомянутому Форсезу, которого совершенно не жаль.

Так что мне в дальних владениях семейства Фальков было чудо как хорошо. Кругом лес, тишина, безлюдье. Охотничий дом небольшой, но уютный, о двух этажах, с камином. А еще рядом имелось озерцо, в котором можно славно порыбачить. О чем еще мечтать измотанному и издерганному путнику?

Собственно, мы первый месяц по приезде только и делали, что спали да ели, ни на что другое сил не имелось. Дорога вымотала нас окончательно. Даже не столько дорога, сколько мучительное ожидание того момента, когда раздастся крик:

— Эй, это же те, которые в розыске, за них награда объявлена! Хватай их, братие!

Самое забавное то, что места, через которые пролегал сначала водный, а после и конный путь, по большому счету войны и не знали. Не докатилась она сюда в том объеме, который мы видели в бывших Центральных королевствах. Нет, отряды имперцев замечали, они даже взяли на клинок пару крепостей, сожгли несколько городков и вздернули кое-кого из местных властителей, не пожелавших признать Линдуса Второго своим повелителем, но в целом местному люду было едино, кому платить подати. На смертный и правый бой тут никто подниматься не собирался, особенно с учетом того, что на носу осень с ее неперемной уборкой урожая. «Если сейчас воевать начать, то что зимой жрать станем?» — резонно рассуждали местные труженики, тем самым соглашаясь с тем, что они теперь часть новой империи.

На нас при этом никто никакого внимания не обращал, что радовало безмерно. Правда, мы и сами старались лишний раз не показываться кому-либо на глаза, все больше ночуя на лесных опушках и заворачивая в селения только при крайней необходимости.

Ну а потом наконец добрались до имения Фальков, где были встречены как родные. Без преувеличения, так было на самом деле. Нет, Карла-то его родитель, барон Хицкварт Фальк, здоровенный, как пятисотлетний дуб, первым делом выдрал вымоченными в солевом растворе лозами, не посмотрев на то, что сынуля давным-давно вышел из детского возраста. Как было заявлено:

— Для того, чтобы помнить, как оно в отчем дому живется. И что отцу-матери надо хоть раз в три года о себе весточку слать.

Короче — наговаривал Карл все это время на своего папашу напраслину. Дескать, «я боги ведают какой по счету сын, моя судьба — шпага, странствие и смерть». Его, оказывается, дома ждали, да еще как!

После экзекуции барон Хицкварт посоветовал мне есть побольше мяса, поскольку очень уж я тощ, Магдалене порекомендовал налегать на капусту, ибо в некоторых местах у нее хоть и колышется кое-что, но по местным меркам этого мало-вато, и только Роза удостоилась молчания, означавшего, что к ней претензий нет. Хотя, может, дело и не в этом. Моя невеста так зыркнула на громогласного барона, что даже он понял — тут лучше ничего не говорить. Хвала богам, что не сыну, а его другу эта чума досталась, потому ему теперь и выпутываться.

Как выяснилось позже, во время застолья, поразившего таким изобилием, какого я и в Халифатах не видал, тут, в Лесном краю, толком народ ничего и не знал. Ни про войну, громыхавшую в Центральных королевствах, ни про возникновение новой империи. Бароны редко выезжали из своих пределов в большой мир, оно им не нужно было. Все же есть — дичь в лесах, рыба в озерах, селяне-арендаторы жито сеют да собирают в достатке, пива на зиму наварено с запасом. И на что баронам лишняя головная боль? А если повоевать захочется — можно какие-то старые обиды вспомнить. Или новые придумать, почему нет?

Впрочем, рассказ о наших недавних похождениях Хицкварт выслушал внимательно, несмотря на то что в нем к тому времени плескалось с полбочонка крепкого темного пива, ес-

ли не больше. Все уже ушли спать — и братья Карла, и их жены, и даже дородная баронесса Ульфрида, которая весь вечер глядела на наряды наших поистрепавшихся в пути соучениц да тихонько вздыхала.

— Олух ваш наставник! — рыкнул под конец рассказа старший Фальк, выплеснул из кружки себе в рот остатки терпкого пойла, а после подал знак Карлу, чтобы тот наполнил ее снова из кувшина размером с половину меня. — Нечего так на меня зыркать, девица. Олух, я тебе говорю. Велик труд — взять да помереть. Это вон любой сможет, даже мой обалдуй. Ты умри так, чтобы об этом после лет десять все говорили! Так, чтобы, вспоминая этот год, всякий добавлял: «Это когда маг Ворон с собой половину ордена к Престолу Владык уташил». Вышел бы из дома и устроил хороший переполох, чтобы вы под шумок смылись. Он же маг, да еще и великий, если вашим словам верить можно. Вот это — да, это смерть. А тут что? Вас он спасал? Дудки! Чистеньким захотел уйти, еще больше грехов на душу свою не пожелал заполучить. Дескать, я помер, а вы, ученики, дальше выпутывайтесь, но так, чтобы честь мою по-смертную не измарать. Тьфу!

Самое странное — мне почему-то не захотелось ему возражать. Нет, Ворон всегда был и останется для меня наставником, тем, чье место в моем сердце не займет никто, но ответить на слова барона мне было нечем. Выглядело-то все именно так, как он и сказал.

— Тебя там не было, отец, — хмуро проворчал Карл, наполняя пивом и наши кружки. — Да еще этот Альдин, чтобы ему пусто было. Он посильнее Ворона маг, поверь.

— Они одного помета, сын, — пробурчал Хицкварт. — А свой со своим завсегда сговорится, мне ли не знать? Вас-то этот Альдин выпустил, да еще и помог. Ему нужна была жизнь Ворона? Так в чем же дело, убил бы, только чуть позже, особенно если ваш наставник сам был не прочь помереть. Что, не дал бы этот Альдин старому дружку порезвиться напоследок? Ха! А так — один окочурился без толку, второму вы теперь должны по гроб жизни. И кто ваш учитель после этого? Олух, как я сразу и сказал.

Прямой и открытый барон резал по живому, вскрывая те мысли, которые мы от себя гнали все это время.

— Все случилось так, как случилось. — Розы обглодала куриное крылышко и вытерла пальцы о скатерть так же, как тут делали все. — Ваша милость...

— Дядюшка Хицкварт, — брякнул кружкой о стол барон. — Здесь у нас все просто, без этих западных ужимок. Ты женщина лучшего друга моего сына. Лучший друг моего сына — все одно что мне самому родич. Да, может, оно так и есть, у нас в Лесном краю все хоть в каком-то, да сродстве.

Если честно, меня всю дорогу беспокоил тот факт, что отец Карла может знать, как выглядел тот бедолага, прах которого давным-давно развеял ветер над морем. Они тут и в самом деле все обо всех знают. А я на настоящего фон Рута вообще не похож, от слова «совершенно». Тот, помнится, был здоровяк хоть куда, губастый и щекастый, и потому никакие объяснения, что, мол, заматерел и возмужал, не помогут. Да еще и светловолосым он был, а это уж ни в какие ворота не лезет. Разве что рост у нас более-менее совпадает.

Но — обошлось. Слышать про фон Рутов барон Хицкварт, конечно, слышал, моего родителя тоже знал, выпивали они на ежегодной ярмарке в одной компании несколько раз, даже о смерти его скоропостижной ведал, но настоящего Эраста он не видел. Повезло мне.

— Дядюшка Хицкварт, — моментально отозвалась Роза тем тоном, от которого мне всегда немного не по себе становится. Это значит, что моя избранница что-то задумала. — Нам ведь искать станут.

— Пушай, — хохотнул барон, сделал гигантский глоток, пролив часть пива себе на грудь. — Уфф! Как приедут, так тут и останутся. У нас озер много, рыбе что-то кушать надо.

— Вот это как раз ни к чему, — вкрадчиво мурлыкнула Роза. — Пусть приедут — и уедут, живые и здоровые.

Старший Фальк икнул, вытер рукавом пену с губ и посмотрел на де Фюрьи, причем его мутные от хмеля глаза весьма пронизательно сверкнули.

— А и правда, — наконец пробасил он. — Чего их убивать? Встретим честь по чести, как положено. Пускай убедятся, что нам скрывать нечего.

— Вот-вот, — поддержал его сын. — Только ты конюхов да девок-служанок предупреди, чтобы они лишнего не сболтнули. Если заявятся те, о ком мы думаем, так они не дураки. И спрашивать умеют, и одно с другим в целое складывать. Сильно умные, стервецы. Я их убивал, знаю.

— А вы завтра, как рассветет, проваливайте в охотничий домик, — велел Хицкварт. — Сидите там тихо, пока все вокруг не уляжется. Припасы раз в неделю подвозить станем. А если

что — не умрете от голода, лес вокруг, он и накормит и напоит. Ну а чтобы не заскучали, делом там займетесь. Кабанов близ озера развелось многовато, перебьете часть, а после окорока закоптите.

Рози все рассчитала верно, представители ордена заехали в дом Фальков недели через две после того, как мы отбыли в лесную глушь. Три дня они провели у барона в гостях, опросили всех, кого только можно, прислугу и страшали, и пытались подкупить, но так ничего и не выяснили. Попытались сунуться в лес, сдуру потревожили медведицу с медвежатами, после чего вскоре откуда-то прибрел папа-медведь, который без особых раздумий одного из горе-следопытов задрал насмерть, второму изрядно располосовал когтями грудь, а остальных напугал до икоты.

В общем, плюнули вскоре чернецы на розыск беглых подмастерьев да и убрались обратно в империю. Собственно, с того момента наша жизнь стала совершенно безоблачной и, как я говорил, очень скучной. В своей предсказуемости скучной. Даже учитывая то, что никто без дела днем не сидел, поскольку жизнь мага есть постоянное стремление к познанию нового, а при невозможности последнего — совершенствование уже изведенного. Короче, если не хочешь одичать, каждый день оттачивай свои навыки. А то все, кончишься ты как маг, — это нам Ворон в головы вбил накрепко. Эх, сюда бы еще нашу замковую библиотеку...

И как же мне было жалко расставаться с этой скукой весной, когда пришло время отправляться обратно на земли империи. Если бы не друзья, которых очень хотелось повидать, то... Ну да, скажем честно — десять раз бы подумал, прежде чем покидать этот дом, который за зиму стал нам родным.

Прогорело многое в душе. Прогорело. Ненависть ко всем тем, кому нужна была наша жизнь, осталась, это так, но желание прямо сейчас, немедленно добраться до их глоток не то чтобы исчезло, но стало подобно утреннему туману над водой. Зыбким стало, невесомым. Убить их всех нужно, но стоит ли с этим спешить? Ни Форсез, ни мастер Гай — они ведь никуда не денутся. Напротив, лет через пять — десять они уже не будут ждать нашего возвращения, а мы тут как тут.

Впрочем, не думаю, что я и мои друзья занимаем столь почетное место в мыслях архимага Туллия. Уж кто-кто, а он-то про нас наверняка уже и думать забыл. Точнее, он не берет нас

в расчет за ненадобностью. Так-то мастер Гай никогда ничего и никого не забывает, мне ли не знать?

Так вот, если бы не Гарольд и остальные, я бы никуда не поехал, признаюсь честно. Ну да, сидеть на шее у семейства Фальков — это не слишком правильно, но мы свое проживание честно отрабатываем, в основном лекарскими навыками. Вот, невестку барона спасли этой зимой: она никак разродиться не могла. Да и ему самому застарелый свищ в ноге вылечили, тот гноиться перестал.

Но Розы и — совершенно неожиданно — Фальк все равно ни мне, ни Магдалене, которая во многом разделяла мои взгляды, остаться бы тут не дали. Их тянуло в дорогу. Первой жутко наскучила местная глушь, в которой она не могла найти применения своим многочисленным талантам, второй не любил откладывать на завтра убийство, которое можно совершить сегодня.

Сборы были коротки, и в апреле, сразу после того, как сошел снег, а земля задышала, как младенец в утреннем сне, мы отправились обратно в Центральные королевства. Ах, простите, в империю.

Кстати, представители Линдуса Второго по зиме тоже нанесли визит к нескольким местным баронам из числа тех, чьи голоса на общих весенних и осенних ярмарочных сходах звучали погромче остальных. Приехали, подарили немудреные подарки и между прочим сказали, что император добр к тем, кто внимает его словам, но крайне суров с теми, кто предпочитает делать вид, что ничего не слышал или, того хуже, не согласен с изреченным.

Бароны осушили по ведерной кружке пивка и сообщили представителям Линдуса, что они люди пьющие, а потому согласны со всеми, кто не станет мешать им предаваться любимому пороку, а также посягать на пасеки, пастбища, поля с житом и крепкозадых скотниц. Но в остальном — дай боги здоровья императору. И вот в подарок ему пять бочонков зимнего пива. От всей души.

Насколько я понимаю, посланцы покинули Лесной край в недоумении, так и не осознав до конца, что здесь произошло. Вроде как и не послали их куда подальше, но при этом зачем императору все эти земли без перечисленных благ — тоже неясно. Ну а какие выводы из произошедшего сделали в Миклайте, который отныне являлся столицей империи, я вовсе по-

нения не имею. Надеюсь, такие, которые не приведут к неприятностям для баронской вольницы.

Впрочем, спорный вопрос, для кого неприятностей будет больше, надумай империя привести того же Хицкварта к присяге. Тут в поле грудь в грудь биться никто не станет. Уйдут бароны вглубь лесов, да и все. И те, кто их там надумает поймать, только смерть свою сыщут.

Но в целом умнее оказались местные жители иных королей, скажу я вам. Умнее и дальновидней. Хотя, ради правды, королей тех уже почти и не осталось. Перебили их за минувший год всех. Кого задушили, кого отравили, кого на плаху отравили. Изменил Линдус своим принципам, которыми прошлым летом так гордился. Или наоборот — завел себе новые? Так сказать, имперские замашки?

Как я и говорил, в первом же городке, который мы посетили, нам удалось узнать о многом из того, что произошло в большом мире за прошедшее время. Нам даже расспрашивать никого особо не пришлось, местные многое и о многом нам рассказали сами, пусть даже и невольно. Было достаточно вечером просто зайти в местную корчму, где ее завсегдатаи уже по сотому разу обсасывали подробности тех потрясений, что выпали на долю Рагеллона за прошедшие пару лет. Судя по всему, им это очень нравилось, и особую радость данным господам доставлял тот факт, что их треволнения далекой войны почти не затронули. Хотя бы потому, что сопротивляться приходу империи в городке под названием Мушиная Радость попросту никто не стал. Напротив, они сами по-быстрому повесили бургомистра, призывавшего к борьбе с агрессором, а после показали его тело, болтающееся на веревке посреди главной площади, отряду запыленных гвардейцев, заверив тех, что так будет с каждым, пошедшим против Линдуса Второго.

— А что магов перебили, братие, так это благо! — орал ближе к ночи один из изрядно подпивших горожан, размахивая кружкой, из которой летели пенные брызги. — Великое благо! От них, от них все беды мира были!

— Верно! — поддержала его толпа, следом нестройно затянув песню, в которой повествовалось о том, как весело и здорово жечь ведьм на кострах, перед тем как следует с ними позабавившись.

Я такой раньше не слышал. То ли местное творчество, то ли отголоски веяний нового времени.

Среди всего того гвалта, который здесь стоял, мы все же уловили главное. Магическое сообщество в своем старом виде перестало существовать совершенно. Почти все, кто занял противную империи позицию и смог выжить в прошлогодней резне, выловлены и казнены, равно как и большинство тех, кто вообще никакой позиции не занимал, но вовремя не подержал партию победителей.

Нет больше конклавов. Не осталось их как таковых. Вернее, имеется только один-единственный, главу которого по имени, ясное дело, никто не называл, но мне оно отлично известно.

Добился, выходит, Гай Петрониус Туллий своей цели. Вот ведь какой настырный старикашка! Хотя подобное упорство достойно подражания. Мне бы такое, я тогда давно бы уже... Впрочем, вру. Ничего бы не изменилось, все осталось как есть. Судьбу не обманешь, как и богов.

Последнее, кстати, тоже спорный вопрос. Похоже, что не только твердь земная дыбом встала, но и небесам скоро жарко придется. Никогда не слышал столько богохульства, сколько сегодня. Нет, мне тоже иногда становилось неясно, как боги терпят всю ту дрянь, которая делается от их имени. Да и просто — делается. Все эти казни, жертвоприношения, клятвopеступления... Да, наши руки тоже не сильно чисты, на них крови о-го-го сколько, но по сравнению с тем же орденом Истины мы чисты, как дети.

Но боги молчат, и это волей-неволей заставляет задуматься: а не слепы ли они? Не глухи? Не спят ли? Единственное, что не вызывает сомнения, так это их существование. Кто-то ведь раздает магам-наставникам право брать учеников?

Интересно, а где теперь жезл Ворона, который подтверждал его права на наши тела и души? Вряд ли он сгорел с тем трактиром, это все же предмет, созданный в небесных сферах.

Но даже эти мысли не шли в сравнение с той скверной, что лилась из ртов забулдыг. Причем было ясно, что все их речи — лишь отголоски того, что звучит на площадях больших городов. Как видно, не хотелось Линдусу Второму делиться своей властью ни с кем, даже с богами, иначе бы он такие разговоры пресекал на корню.

А может, это работа ордена Истины, который, если верить услышанному, здорово сдал свои позиции за минувшее время. Не было у него теперь той власти, что раньше, рассыпалась она если не в прах, то на кусочки точно. Слишком большой ломоть

попробовали чернецы откусить, не влез он в рот. А там и расплата подоспела: новый император отлично осознавал, что надо сразу себя ставить жестко, без размышлений и жалости. В результате влияние ордена при дворе значительно ослабло, полностью прекратилось его финансирование из казны, а кое-кого из отцов-наставителей даже казнили, обвинив в сговоре с противниками императорской фамилии, в том числе с какими-то злокозненными магами, сражавшимися в прошлогодней войне на стороне Асторга. Под это же дело, кстати, на костры отправили полсотни магов — чтобы, значит, наличествовало кое-какое равновесие и чтобы жизнь медом не казалась. Причем и тем и другим были вменены в вину связи с королем эльфов Меллобаром, который умудрился-таки удержать изрядный кус земель по эту сторону Луанны. Мало удержать — он продолжал свое движение вглубь территорий новоявленной империи, пусть и не очень быстрое, но зато постоянное.

Мне до сих пор интересно, каких именно «злокозненных магов» имел в виду имперский суд? Уж не нашего ли наставника?

Что любопытно — про мучительную смерть чернецов народ особо не разорялся, ему, похоже, все равно было. А вот казни магов до сих пор радовался, разбирая ее по косточкам и придумывая все новые и новые посмертные проклятия, якобы изреченные казненными. Короче, все идет так, как и предполагалось.

Да и вообще мы, уцелевшие ученики Ворона, многое угадали еще тогда, когда в последний раз все вместе сидели под деревьями в предутреннем лесу. Научились все же чему-то у наставника, смогли просчитать ближайшее будущее.

Линдус таки не полез в Халифаты, не по зубам ему этот кусок оказался. Он заключил с Сафаром договор о вечном мире и сотрудничестве, после чего каждый из властителей запер на огромный висячий замок свои морские границы, совершенно не доверяя друг другу. Связи двух держав практически прервались, что, несомненно, безумно порадовало контрабандистов, доходы которых теперь возросли непомерно. Интересно, работают ли до сих пор каналы доставок из страны в страну тканей, специй и кое-каких других запретных удовольствий, налаженные Розы? Часть из них, те, о которых не знала даже ее родня, она в последний день передала Эмбер Альбе, велев держать ухо с этой публикой остро и, если что, не церемониться. Контрабандисты — ребята простые, они нанимателя или боятся, или убивают. Третьего не дано.

С Асторгом дела у империи обстояли приблизительно так же. На словах — мир и дружба, вроде как изрядно укрепленные недавним разделом южных завоеванных владений, а на деле — бесконечные пограничные конфликты и непрерывная слежка друг за другом. Для настоящей, а не бутафорской войны сил у обеих сторон было маловато. Асторг уступал империи в народонаселении, а значит, и в количестве воинов, которых он мог выставить на поле битвы, а Линдус вместе с властью получил кучу проблем, которые не дали бы ему возможность провести короткую и победоносную войну, по крайней мере на данный момент.

Среди них числились кровавые и страшные мятежи, то и дело вспыхивающие на присоединенных территориях, особенно на Юге; нестабильность финансовых дел, ибо в смутные времена приток денег в казну здорово уменьшается по причине того, что очень уж многие стремятся чуть-чуть, да зачерпнуть из золотой речки, справедливо полагая, что в этой суете данного шага никто не заметит; ну и самое главное — дела семейные. Братья единокровные.

Нет, так-то выходило, что Линдус Второй трон не узурпировал, а получил его по праву. Папаша по официальной версии вроде как сам помер, так что все верно — престол по старшинству перешел и по установленному лет триста назад статуту. Вот только плевать остальным братьям было на этот самый статут. Им была нужна власть, до которой, казалось, уже рукой подать, и не нынешняя, над какой-то провинцией, а абсолютная. Над всем и всеми.

Перегрызлись братья, перегрызлись. Нет, формально тут тоже все было благообразно. Они время от времени встречались, сердечно общались, младшие преклоняли колено перед старшим и ждали. Ждали чужих ошибок, ненавидя друг друга так, как на это способны только родные люди.

А младшенький, Айгон, даже на визиты во дворец императора не расщедрился, небезосновательно полагая, что, отбыв туда, обратно в свои земли уже не вернется. Его Линдус Второй особенно не любил и, если верить услышанному, даже пару раз пытался убить чужими руками, но безуспешно. Сам же Айгон тем временем железной рукой навел порядок в северных землях, практически восстановил сгоревший пару лет назад флот и теперь скрытно, но так, что все про это знали, налаживал связи с нордлигами, окончательно оправившимися от недавнего разгрома и снова рвущимися в бой. Точнее, к грабе-

жам и насилию, без которого этим бородатым ребятами жить невыносимо.

В общем, какие там войны, какие Халифаты, какой Асторг? С внутренними делами бы новой власти разобраться. А еще — с эльфами, которые подобно заразе потихоньку, потихоньку расползаются по имперским землям, подминая под себя деревеньки, городки, реки, поля. И, приходя на новое место, они обустриваются так, что становится ясно — никуда они отсюда больше не уйдут, как это случилось с Фольдштейном и Сезией. Линдус, тогда еще Восьмой, пустил их туда на время, дабы спровоцировать конфликт, который выльется в войну. Со второй частью плана сложилось, война началась. А с первой — нет. Не ушли эльфы обратно за Луанну, не захотели.

В общем, тлеет там. Так тлеет, что вот-вот полыхнет. Опять же, как мы и предполагали. И другая наша догадка нашла подтверждение — на усмирении Меллобара и его ушастых подданных Линдус Второй собирался отправить сводную рать, главные места в которой занимали орден Истины и Светлое братство. Причем никто не боялся во всеуслышание говорить, что таким образом император решает сразу две проблемы, попросту запихивая нескольких крыс в одно ведро. Дескать, пушай они друг дружку жрут!

Кстати, про то, что среди эльфийского войска не редкость и люди, тоже часто упоминалось. Мол, там можно встретить и рыцарей Асторга, и раскосых детей Востока, и уцелевших ратников павших Центральных королевств, которые не приняли новый порядок.

Про Белую же Ведьму, о которой даже мы еще в том году успели услышать, и вовсе такие страсти рассказывали, что в них особо не верилось. Мол, она пьет кровь попавших ей в руки служителей ордена, особо жестоко убивает магов из братства, часто подвергая их таким пыткам, что даже до Века смуты считались запретными, и в полнолуние творит обряды, которые запросто могут привести к скорому концу всего сущего.

Разумеется, все изложенное мы узнали не сразу и не в одной корчме — мы выуживали эти новости по крупичкам, отделяя откровенное вранье от правды. Но кое-что общее в этом всем было. Похоже, у нас на самом деле имелся шанс для мести за наставника и наших друзей. Не Линдусу Второму, до него не доберешься, но ордену и братству. Осталось только добраться до земель эльфов и не сдохнуть там сразу от их рук.

Правда, Розы еще тихонько высказалась на тот счет, что если годика три — четыре подождать, то империя и сама развалится, потому что более бестолкового подхода к ее созданию представить невозможно, но одобрения у Фалька и, что примечательно, Магдалены, ее слова не нашли.

Я предпочел в этой ситуации промолчать. Надо дожидаться остальных, а там поглядим.

В результате мы уже неделю сидим в развалинах, ждем наших друзей, и поневоле в голову начинают забираться мысли вроде: «А не зря ли мы приехали? Может, все? Может, пора обратно отправляться?»

Их, конечно, гонишь прочь, но они, сволочи, возвращаются. Более того — на язык просятся. И вот тогда лучше начать ругаться по поводу прожорливости Карла, чем невольно выдать остальным что-нибудь подобное. Потому что они думают о том же самом.

— А и то. — Фальк встал и потянулся. — Может, правда в Форнасион махнуть? Вино тоже кончилось, а ночи еще холодные...

— Вина мы привезли, — раздался из-за стены голос, который заставил мое сердце стучать быстрее. — Вот свинину всю поддели, это да.

— Реван! — радостно взвизгнула Магдалена и бросилась на шею к пантийцу, подошедшему к нам. — Эбердин!!!

Верно — следом за ним к костру вышли еще двое из тех, кто отправился с Монброном в Силистрию. Вид у них был изрядно потрепанный, что скрывать. Но они были живы. И они пришли!

— Кто ставил сигнальный круг? — уточнила Миралинда. — Фальк, ты? До чего небрежная работа! Я его сняла одним щелчком пальцев! Так же нельзя!

— Суровая какая стала! — пробасил Карл и обнял девушку. — Прямо злюка!

— А где Гарольд? — обеспокоившись, спросил у пришедших я. — Монброн где?

— Тут он, — отвела в сторону глаза Эбердин. — Сейчас подойдет.

— Темните вы что-то, друзья. — Розы нахмурилась. — И сильно.

— Просто есть вещи, де Фюрьи, о которых говорить одновременно сложно, неприятно и необходимо. — Это был Монброн, он стоял в тени стены, почему-то прижимая руки к груди

так, словно что-то в них держал. — Эраст, подойди ко мне, будь любезен.

— Что происходит? — еще сильнее насторожилась Роза.

— Сейчас вы все узнаете. И мы — тоже, — произнесла странную фразу Эбердин, обняв за плечи подругу. — Иди, Эраст. Это нужно.

И я сделал шаг навстречу своему лучшему другу.

ГЛАВА 2

— Руку вперед вытяни, — велел Монброн, как только я к нему подошел. — Давай, давай. Хочешь левую, хочешь правую — без разницы.

— Хорошо, — совсем уж растерялся я. — А это у тебя что такое?

Я не ошибся — Гарольд прижимал к груди какой-то сверток, более всего похожий на запеленатого младенца. Да так оно и оказалось! Сверток пискнул, дернулся, из него показалась маленькая белая ладошка, весело ударившая моего друга по щеке.

— До чего вертлявая, — вздохнул Монброн. — Вся в мать!

— Ай! — вскрикнул я от неожиданности, когда острое кинжала чиркнуло меня по руке. — Ты чего?

— Того, — хмуро пробурчал Гарольд, поморщившись, ткнул самым кончиком оружия в маленький детский пальчик, отчего сверток немедленно разразился плачем, и начал что-то шептать себе под нос.

— Что происходит? — повернувшись к пантийцу, спросил я. — Эль, может, ты объяснишь?

— Присоединяюсь к вопросу, — потребовала Роза, но уже у подруги.

— Да помолчите! — шикнула на нас Миралинда. — Сейчас все узнаете! Эраст, подойди к Монброну поближе.

Острие кинжала сначала покраснело, потом побелело, словно раскалившись до предела, а после из него появилась тонкая призрачно-золотистая цепочка, выписывающая в воздухе забавные кульбиты.

Она несколько раз опоясала сверток в руках Гарольда, крутанулась, свившись в несколько петель, а после скользнула ко мне, словно объединяя в одно целое с младенцем, который никак не желал угомониться.

— Будь я проклята! — охнула Эбердин. — С ума сойти!

— Ты проспорила мне ужин, — невозмутимо заявил Эль Гракх. — С вином!

— Луара сказала правду, — пробормотал Гарольд. — А ведь был уверен, что врет, что пытается свой грех прикрыть.

— Ничего не понимаю, — потряс головой я, немного кривя душой. Кое-что для меня прояснилось, вот только это «кое-что» было слишком нереально. Даже для нашей компании, которую, кажется, уже ничем не удивить. — Гарольд, что все это значит? Кто этот ребенок?

— Это Люсиль, моя племянница, — охотно ответил мой друг. — Но, как ни странно, не это сейчас главное. Кто ты таковой, Эраст? Даже не так. Как твое настоящее имя, друг?

Скажем так — после увиденного я ожидал чего угодно, но только не этого вопроса. Мне вообще казалось, что данная тема навсегда забыта и похоронена. Ошибся.

— Ладно, будь по-твоему. Вот это — «шутка богов», — прервал установившееся молчание Монброн, слегка тряхнув младенца, который наконец начал умолкать. — Так Люсиль назвал Унс, а он, как ты помнишь, при всей своей экстравагантности и непредсказуемости был очень знающим магом.

— Я совсем запутался, — пробасил Карл, подходя к нам поближе. — Эраст не Эраст, Унс этот шепотливой, опять же... Вы о чем речи ведете? Монброн, ты хочешь сказать, что это фон Рут твоей сестре ребятенка заделал?

— Подобное невозможно, — влезла в разговор Магдалена. — Все знают, что...

— Невозможно, — подтвердил ее слова, которые даже не дослушал, Гарольд. — Если боги не надумают пошутить, а здесь все именно так и вышло. Я ведь, признаться, не сильно в них верил, в эти высшие силы. Ну вроде как они есть, вроде как надо их бояться, но кто из нас все это всерьез-то воспринимал? Знаете, когда я понял, что они существуют? Когда нас Ворон на площадь у замка весной вывел и стал делить на живых и мертвых. А теперь вот еще раз в этом убедился.

Он откинул серые лоскуты, и я увидел недовольную детскую мордашку.

— Стоп! — попросил я. — Слишком много новостей! Нельзя вот так, сразу...

Розы за моей спиной то ли шумно вздохнула, то ли начала злобно рычать. Звук был настолько насыщенный, что опреде-

лить точно, какое из предположений было верным, возможным не представлялось.

— Согласен, — кивнул Гарольд. — Давай начнем с самого начала. Кто ты такой на самом деле?

— Эраст, не переживай, — мягко произнесла Миралинда. — Ты как был нашим другом, так им и останешься. Для меня — точно, клянусь в этом своей жизнью. Но не выяснить у тебя, кто ты есть, мы не можем, хотя бы из любопытства. Мы же с Эбердин девочки, оно наша суть. И потом, может, там какая романтическая составляющая есть?

— А я должен знать, кто отец моей племянницы, — добавил Монброн. — Хотя Мира все верно сказала. Тут я неправ, неверный тон с самого начала взял, вот ты и подумал, наверное, что-то не то.

— Сволочь он, — выкрикнула Роза. — Гад! Предатель! Девчонке год где-то да девять месяцев ее вынашивали. Значит, он ее тогда сделал, когда мы в Силистрии были. Мы! Оба! Выбрал момент и, значит, в постель твоей сестрицы нырнул, потаскухи так... Угмп!

Судя по всему, Эбердин зажала моей невесте рот, а по ее невольному вскрику я сделал вывод о том, что разъяренная Роза пустила в ход зубы.

— Де Фюрьи, прошу тебя, выбирай выражения, — помрачнел Гарольд. — Луара уже давно преклонила колени у Престола Владык, и где именно ее душа находится сейчас, ведают только они. Но это не означает, что память о ней тоже мертва. Это была моя сестра, она принадлежала к роду Монбронов Силистрийских, и ты не имеешь права порочить нашу честь. Да, род почти прервался, собственно, я и эта кроха являемся последними его представителями, но...

— Она больше не будет, — пообещала Эбердин. — Роза, не вертись. Потом отрежешь своему фон Руту мужские причиндалы, я даже кинжал свой тебе для этой цели одолжу, поверь.

Ого. Стало быть, невесело моим друзьям в Силистрии пришлось. Если Монбронов вырезали под корень, то дела там еще те творились.

— А Унс? — зачем-то спросил я. — Он как?

— Все мертвы, — пробурчал Монброн. — И Унс, и Борн, и наш славный король, который тебе так понравился. От моей страны осталось только ее название, да и то, думаю, ненадолго. Скорее всего, в ближайшее время ее переименуют в Силистрийский Асторг или в Асторг Силистрийский, уж не знаю,

что вернее. Теперь земляки де Фюрьи — хозяйева наших бывших морей, земель, виноградников, замков и всего остального. Почти все представители старых фамилий уничтожены. Мы выбрались оттуда чудом, по-иному не скажешь.

— Если бы не Два Серебряка, то и не выбрались бы, — заметил Эль Гракх, который уже отхватил от окорока кусок и теперь его жевал. — Отчаянный был дядька, да помилуют его душу Владыки. Так по нему и не скажешь, а на деле... Ух!

— Долгий рассказ. — Монброн покачал девочку, которая начала сонно хлопать глазами. — Но прежде...

— Меня зовут Крис, — сказал я, ощущая себя как в детстве, когда я впервые сиганул в воду с Королевского утеса, что высился над портом Раймилла. Если у мальчишки с улиц моего родного города имелось желание доказать все остальным, что он чего-то стоит, то начинать следовало именно с этого. Прыжок с утеса был пропуском в темные подворотни и тайные подземные переходы города. Смог, сиганул — значит, не совсем ты тютя, с тобой можно начинать разговор. Постоял, повернулся, ушел прочь — все, ты не свой, ты не наш. И второго шанса у тебя не будет. Я прыгнул, хоть было очень страшно. Так же, как сейчас. — И я вор. Самый обычный вор из трущоб.

— Ты чего, настоящего фон Рута обокрал, что ли? — изумился Фальк. — Вот дела!

— Да нет, — отмахнулся я от него. — Настоящего убили там, в Раймилле, где я с рождения жил. А меня на его место зачихнули.

— Что и требовалось доказать, — с чуть истерическим смешком сообщила всем Миралинда. — Все как Унс сказал. Помните? «То, что ваш приятель не тот, за кого он себя выдаст, я сразу понял, как с ним познакомился, только рассказывать никому не стал. Не мое это дело».

Ну да, он же умеет ложь чувствовать. Умел, если вернее...

— Зато ясность появилась, — бодро заметил Эль Гракх. — А то все гадали, кто ты такой есть.

— К Ворону в ученики не рвался, мне просто выбора не оставили, — продолжил я, решив закончить все объяснения здесь и сейчас, причем желательно побыстрее. — Езжай без разговоров, вот и все дела. Ну а дальше вы все знаете сами, чего зря воздух сотрясать? Мы же не разлучались почти никогда.

— Не все! — взвизгнула освободившаяся Роза. — Вон, нашел ведь момент, размножился!

И это она еще не знает о моих шашнях с Амандой. Лишь бы Фальк сейчас чего не брякнул.

— А кто был тот, что все это устроил? — поинтересовался Эль Гракх. — Кто тебе выбора не оставил?

— Гай Петрониус Туллий, — неохотно выдавил из себя я. — Запугал, гад такой, одним заклинанием крови. Мол, если я дернусь, то тут мне и конец, сожжет меня магия дотла. Убедительно все сделал, я ему почти до третьего года обучения верил, между прочим, пока сам во всем не разобрался. Но помогать — не помогал. И учителя не предал, поклянусь чем хотите! А потом вообще все ему рассказал.

— Я тоже, — мягко произнесла Магдалена. — Меня к нему Эвангелин послала. Эта госпожа, знаешь ли, тоже умела убеждать, особенно в той части, которая касается здоровья и жизни родителей. Вроде она мягкая, добрая, а внутри такой стальной стержень! Правда, я, в отличие от тебя, на самом деле урожденная ле Февр, но, по сути, это ничего не меняет.

— А я все равно его Эрастом буду звать, — заявил вдруг Карл. — Я привык. Настоящее это имя, ненастоящее — какая разница? Все равно другое не запомню.

— И я, — поддержала его Эбердин. — Да не дергайся ты!

— Хочу назревшую проблему с именами вот этого поганца решить, — просопела Роза. — Нет человека — нет проблемы!

— Угомонись, де Фюрьи, — посоветовал ей Гарольд. — Скажи, кто среди нас безвинен? Так, чтобы вообще? Никто. Ну случилось и случилось, провели мужчина и женщина вместе одну ночь. Бывает. Он все равно твой, это знают все. Да и если бы не то, что произошло с моей страной и с моей сестрой, про отцовство Эраста никто бы так и не узнал.

Я повернулся к девушке, рвущейся из рук горянки, и кивнул. Та, впрочем, меньше после этого извиваться не стала, но хоть зверский оскал с лица пропал, и на том спасибо.

— Эраст, держи, — сказал Монброн, и когда я снова развернулся к нему, он протянул мне ребенка. — Теперь это твоя ноша. Ты отец, тебе решать ее судьбу, так будет справедливо.

Я не нашелся что ему ответить, приняв на руки теплый увесистый сверток, в котором причмокивала губами моя дочь.

Наверное, я должен был испытать прилив чувств, мое сердце обязано было налиться нежностью к этому маленькому беззащитному существу, за жизнь которого я теперь несу ответственность, еще стоило бы поблагодарить богов за то, что мой род не прервется, случись чего, но...

Ничего такого я не испытал. Абсолютно. Ну ребенок и ребенок, мало ли я их видел? У нас в Раймилле портовые шлюхи каждый год как крольчихи рожали, иные новорожденные умудрялись выжить, но большинство умирало, недотянув до года, и их тела выбрасывали в море согласно традиции.

А первое, что мне пришло на ум, так это непристойная ругань. Почему? Да потому что не вовремя все это случилось. Куда мы теперь отправимся вот с этим сопящим грузиком, в какие странствия, к каким эльфам?

И Монброн хорош. «На, держи, теперь это твоя головная боль». Друг, называется.

— Ты вина привез? — тем временем строго спросил у Гарольда Фальк. — Ты обещал тогда весной. Мол, небо на землю упадет, а тебе, Карлуша, я винца силистрийского все одно притащу. Понимаю, что пришлось тяжело, опять же — война, но слово Монброна — оно же крепче обстоятельств?

— Привезли, — отозвался Эль Гракх. — Сейчас принесу. Мы лошадей чуть поодаль оставили, от греха. Неизвестно, что нас здесь ждало. Точнее — кто. Может, это не вы, а кто-то другой костер разжег.

— А сигнальный круг? — обличительно спросил Фальк. — Его какие-нибудь работники ножа и топора небось не поставят.

— Карл, я уже тебе сказала, что безобразие, сотворенное тобой, сигнальным кругом не назовешь, — рассмеялась Миралинда. — Лучше ничего, чем такое позорище. Эраст, дай Люсиль сюда, что же ты ее как мешок держишь? Уронишь еще нашу девочку!

Врать не стану, я с огромным облегчением выполнил ее просьбу. Наверное, я полюблю эту кроху, но потом, позже. Когда осознаю, что она появилась в моей жизни, свыкнусь с этой мыслью. Слишком все стремительно произошло.

Столь же стремительным вышел рывок Розы, благодаря которому она все же освободилась из стальных объятий Эбердин и оказалась передо мной.

— Хочешь убить — убивай, — предложил ей я. — Нет у меня никакой охоты в обозримом будущем ежедневно выслушивать твои колкости и завуалированные упреки по поводу того, что случилось. Да, я провел ночь с сестрой Монброна. Да, эта связь имеет последствия, хотя я сам пока не могу до конца понять, как такое возможно. Ребята объяснили кое-что, но это

все надо переварить. Потому — давай решим все здесь и сейчас, не откладывая на потом.

— Толковое предложение, — одобрила Магдалена. — Да и нам наблюдать вашу грызню нет никакой охоты. Розы тихо решать проблемы не умеет, она всех вовлечет в данный процесс. Что до меня — я Эраста не одобряю, но и не порицаю. Ну да, вы когда-то связали судьбы перстнями двух душ, но с учетом всего, что произошло, они свою силу давно утратили. Нет рода — нет связи.

— То есть, по-твоему, Магда, он теперь может делать что хочет? — немедленно окрысилась Розы.

— Нет, разумеется, — передернула плечами та. — Ты чего? Но он мужчина, а они создания слабые. Особенно если вина выпьют, оно их невеликий мозг окончательно затуманивает. Мы, женщины, сильнее и умнее, потому должны прощать их слабости.

— Но не потакать им, — уточнила Миралинда. — Это важно.

— Само собой, — согласилась Магдалена. — Не хватало только.

— Скажи вы такое у нас в Панте — и за ваши головы я не дал бы гроша, — деловито заметил Эль Гракх, на плечах которого висели седельные сумки, набитые до отказа. — Это же злоумышление против порядка, заведенного на тверди земной богами и падишахом. Женщина во всем подчиняется мужчине, так ведется от начала времен и так пребудет вовеки.

— Дикие у вас там места, в Панте, — фыркнула Эбердин. — Рассказать такое в наших горах, вот бы девы-воительницы посмеялись!

— Живи, — пробурчала Розы. — Но если еще хоть раз, хоть с кем...

— С кем? — погладил я ее по щеке, отчего мою невесту даже передернуло. — Скажешь тоже!

— Нет, так-то я хотела разок с Эрастом переспать, — сообщила вдруг всем Магдалена, подбросив в огонь ветку. — Серьезно. После той заварушки на Востоке, в городке... Как его... Забыла. Том, где мы флот Линдуса сожгли. Но это не личное, а нечто другое. Мы с ним на корабле Раваха-аги как одно целое стали, и я так остро ощутила, как он за меня боится, как оберегает... В общем, если бы мы еще и переспали, то это замкнуло бы некий круг и привело к наступлению полной гармонии. Но, само собой, ничего не случилось, я даже не заик-

нулась о своих желаниях. А потом уже не надо стало, эйфория прошла, устремления пропали.

— Согласно и понимаю, — признала Роза без тени иронии. — И потом, одно дело — ты, другое... Монброн, я промолчу. Лучше тебе не знать, что я думаю о твоей сестре.

— Вот и не говори, — согласился Гарольд, прильнувший спиной к стене. — Лучше не знать, твоя правда.

— А мне вот что интересно, — снова заговорила Магдалена. — Если бы Эраст со мной переспал, я бы могла забеременеть? Ну так, в принципе?

— Нет, — помотала головой Роза. — Поверь, имейся такая возможность, то я бы второго или третьего ребенка уже вынашивала!

— Само собой, — повертела пальцем у виска Миралинда. — Вы что несете? Он — да, в каком-то роде самозванец, из-за того Луара и понесла. Но мы-то все настоящие!

— Не только самозванец, — добавил Монброн. — Он еще и игрушка богов, их забава. Говорю же — нам Унс на этот счет много чего порассказал.

— Наверное, потому ему иногда так и везет, — заметил Карл, который, сопя, выковыривал пробку из пузатого меха с вином. — Сколько раз сгнуть мог, а все еще жив!

— Сомнительное счастье, — возразил ему Гарольд. — Ты, Эраст, имей в виду: в какой-то момент боги с тобой могут поступить так же, как дети со своими игрушками. Добро, если просто забудут и забросят в угол. А ведь могут и сломать.

— Так они чего, за мной все время следят? — переполошился я. Раньше подобное высказывание за глупость бы считали или за неудачную шутку, но сейчас, после всего увиденного, мне и в самом деле стало страшновато. — Хватит меня уже пугать!

— Ну-ну, ты свою персону не переоценивай, — расхохотался Эль Гракх. — Это он тебе так мстит за то, что случилось, за поруганную честь сестры, за то, что... Монброн, успокойся! Я тоже шучу!

— То-то, — проворчал Гарольд, который как следует перед этим пнул под зад пантийца. — Я ему мщу за то, что он столько времени нас за нос водил. Ну ладно, на первых годах обучения темнить — это правильно, мы все тогда еще теми идиотами были. Но потом-то можно было сказать? Как будто это что-то для нас изменило бы!

Рози фыркнула, как ежик, бросив на меня столь же колючий взгляд. Похоже, она полностью разделяла мнение Монбронна.

— Эраст, с ума не сходи, — посоветовала мне Эбердин. — Сам посуди — на кой ты богам сдался? Ты для них никто, как и любой из нас. Они над тобой потешились, но и только, а после сразу о сделанном забыли. Как, сдастся мне, о нашем мире в целом.

— Соглашусь. — Магдалена поворошила длинной обугленной палкой костер. — Потому что не могут мудрые существа, его создатели, безразлично глядеть на все те мерзости, которые в нем творятся. Не имеют они на это права. Но так есть. Вывод? Богам на нас плевать. Ну или они не так мудры, как о них говорят.

— Пусть их, богов, — отмахнулся я. — Чего мы дальше делать станем? Все планы демонам под хвост из-за этой... дочери.

— Не мы, а ты, — заметил Монброн, принимая из рук Карла мех с вином. — Все, мои полномочия как дядюшки выполнены полностью, теперь твоя очередь. Ты отец, тебе думать.

— О чем ты? — У меня под шляпой волосы встали дыбом. — Какой из меня отец? Я не отказываюсь от нее, конечно, но...

— Попробовал бы ты после ритуала родства это сделать, — хихикнула Миралинда. — Нам его Унс успел показать еще до того, как... До гибели своей, короче. Это магия, ее не обманешь. Да, моя маленькая? Мы уже спим, мы носиком сопим, папу слушаем...

Сюсюканье Миралинды, которая в свое время не моргнув глазом могла обречь на страшную смерть десятки кочевников, потрясло не меньше, чем вся эта ситуация, равно как и выражение лиц ее подруг. Я за эти годы разными видел своих соучениц — усталыми, разъяренными, даже испуганными, но умиленными — впервые. Они все еще и губы трубочками вслед за Мирой сложили, даже Эбердин.

Исключение составила только Роза — у нее во взгляде любви к ребятенку не наблюдалось.

Миралинда тем временем достала из напоясного кошелька белый лоскут, в который было завернуто нечто, напоминавшее кукиш, и сунула его в рот Люсиль. Причем перед этим Эль Гракх несомненно привычным жестом добавил в содержимое кукиша молока из фляжки, висевшей у него на боку.

Ребенок зачмокал, не открывая глаз, остальные девушки одновременно растроганно ахнули.

— Мы не можем ее тащить с собой, — продолжил я. — Как вы себе это представляете?

— Никак, — подтвердил Монброн, вытягивая ноги. — Полностью с тобой согласен. Думай, что делать, ты же отец?

— А давайте ее в Халифаты отправим, — предложил вдруг Фальк. — К Агнесс и Эмбер. Там всяко спокойнее, чем здесь, согласитесь? Что? Они за ней приглядят, небось, им она тоже не чужая, как-никак дочь Эраста. Кормилицу ей отыщут.

— Ей уже не надо кормилицу, — заметила Миралинда. — Она не грудная.

— Ну тогда горничную, — хмыкнул Карл. — Не знаю я, как правильно надсмотрщик за девчонками называется. Меня лично егеря папеньки воспитывали большей частью. Ну и он сам порол под настроение, чтобы ума в голову вложить. Но эту ведь егерям не отдашь, верно?

— Не зря порол, — заметил Монброн. — Идея хорошая, мне она тоже в голову приходила. Вот только есть одно «но». Хоть Линдус Второй с Сафаром и заключил вечный мир, но морские границы все равно закрыты, причем в обе стороны. Так просто, как раньше, в Халифаты не попасть. Есть еще контрабандисты, у де Фюрьи с ними, настолько я помню, дружеские отношения налажены, но, чтобы до них добраться, надо отмахать немало миль по побережью. Да и небезопасен этот вариант. Но в первую очередь проблема во времени. Если мы займемся этим, то на наших планах можно ставить крест, а этого не хотелось бы — мне так точно. Очень много долгов накопилось у империи передо мной, отдавать надо. Впрочем, если фон Рут с де Фюрьи возьмут на себя эту обязанность, то я буду спокоен за племянницу.

— А чего сразу мы? — возмутился я. — Можно подумать, у меня претензий к ордену и братству меньше твоего имеется.

Не скажу, что я сильно рвусь воевать, — это не так. Но тащиться по прибрежным дорогам в компании с писклявым младенцем хотелось еще меньше. Хотя и это было не главное. Я не желаю потом сидеть в Халифатах и гадать, увижу я еще эти рожи когда-нибудь или нет. «Неизвестность — худшая из пыток», — так когда-то мне сказал мастер Гай, любивший во время нашего пути к Кранненхерсту пофилософствовать у костерка. Тогда я в должной мере не оценил правильность

данного высказывания, теперь же полностью с ним был согласен.

Если уж сгинем, так все вместе. И если в Халифаты — то тоже всей компанией, на другое я не согласен.

— Меньше, — очень ровно и спокойно ответил мне Монброн. — Поверь, друг, меньше. Если бы ты видел, что творили в моей стране рыцари Асторга на пару с ратниками Линдуса! Что кочевники Халифатов, они просто дети по сравнению с этими поборниками цивилизованности и порядка. «Порядок», — так они называли разоренные дочиста деревни, детей, брошенных в огонь только потому, что те раздражали своими криками отдыхающих отцов-командиров, распятых на воротах женщин, виновных лишь в том, что не раздвинули ноги перед насильниками. Порядок! Нет, Эраст, у меня теперь счет к империи куда больше, чем у кого-либо другого. И это я еще свою семью не упомянул.

— Там был кошмар, — очень тихо подтвердила слова моего друга Миралинда. — Мы все повидали многое, и до Халифатов, и после, но я никогда не видела столько крови. Она текла по мостовой как река, самая настоящая. Если бы не Люсиль, я бы, наверное, еще там сошла с ума.

— Мы чудом из того городка выбрались, — добавил Эль Гракх. — Как его? Рион вроде. Его жители имели глупость оказывать сопротивление сводным полкам империи и Асторга, за что были казнены на городской площади. Все.

— В смысле — все? — вытаращил глаза Карл.

— Все, — повторил пантиец. — От грудных детей до стариков. Они убили все население города, им перерезали глотки на эшафоте одному за другим. Ну да, работа долгая, утомительная, но имперцев такие мелочи не волнуют, им главное — выполнить отданный приказ. Трупы сваливали в кучи, а кровь текла и текла себе по мостовым. А мы по ней шли.

— Если бы не Унс с его заклятием невидимости, лежать и нам в этих кучах, — шмыгнула носом Эбердин. — Мне, если честно, его сильно не хватает до сих пор. Да, он был псих и жадина, но таким людям любые слабости простить можно.

— Я никуда не поеду, — заявила вдруг насупившаяся Роза. — Если вам надо эту пигалицу переправить за море — пожалуйста, но без меня. Не за тем я из Лесного края сюда тащилась.

— Де Фюрьи, ты не думай ничего такого, — неожиданно мягко произнес вдруг Монброн. — Да, корона Асторга и его

управители оказались редкими сволочами, спору нет, но ты здесь ни при чем совершенно. Как я раньше за тебя любому глотку бы перегрыз, так и сейчас ничего не изменилось. Да и нет среди нас теперь жителей Асторга, Силистрии, еще каких-то держав. Мы все изгои, мы все одинаковы. Вон Эраст вообще непонятно из каких краев родом, я про этот его Раймилл и не слышал никогда, но мне на это плевать. Он был моим названным братом, он им остался. И так пребудет всегда, пока я жив.

Если честно — от сердца отлегло. Кто его, Монброн, знает, он же господин непредсказуемый. Видно же, что обиделся.

— Не брат он тебе, — возразил ему Карл. — С чего бы ему им теперь быть?

— А? — одновременно удивленно посмотрели на него я и Монброн.

— Вы теперь с ним как-то по-другому называетесь, — пояснил тот, отхлебывая вина. — Ну, на шурина он не тянет, брак с твоей сестрицей заключен не был. Короче, я в этом всем не силен. Но через эту кроху вы, выходит, все одно породнились. По-настоящему.

— Ну да, конечно, — признал Гарольд. — Я чего-то и не думал на эту тему даже. Хотя — когда там? Ни одного места на пути не вспомню, к которому не подойдет фраза: «Еле ноги унесли».

Рози вдруг странно так втянула воздух, дернулась всем телом, а после заплакала. Навзрыд, как обиженная кем-то девочка. Мало того — компанию ей составила внезапно проснувшаяся Люсиль, издавшая не менее жалобный звук в силу всех своих пока невеликих легких.

— Вот тебе и раз, — обескураженно пробасил Карл. — Чего это они?

— Кто их знает? — передернул плечами Монброн. — Ни одному мужчине в мире не дано понять до конца мысли женщин, по этой причине и я до истины доискиваться не стану. Пусть плачут. Хоть что-то их сблизит, уже хорошо. В конце концов, именно де Фюрью предстоит стать приемной матерью моей племяннице.

— С чего бы? — спросила Роза, всхлипывая и размазывая слезы по щекам.

— А кому еще? — изумился Монброн. — Фон Рута ты от себя никогда не отпустишь, а Люсиль теперь при нем будет, как и должно в подобных случаях.

— Воистину — шутка богов, — выдохнула Роза. — По-другому не скажешь!

— Слушайте, может, мы ее к моему батюшке отправим? — предложил тут Карл. — Одной девчонкой в доме больше, одной меньше — велика ли разница? Эраст ему по душе пришелся, неужто он его не уважит, за этой крохой не присмотрит? Ну а если мы все того... Все одно воспитает, за хорошего человека потом замуж отдаст.

Это да, барону Хицкварту в подобном вопросе можно доверять. Вот только...

— Карл, сколько добираться до твоего отца? — уточнила Миралинда. — А обратно? Тогда уж проще в Халифаты, по времени то же и выходит. Нет, могли бы мы с Магдаленой попробовать, на войне от нас особого толку не будет, это всем известно. Но и в дороге, случись что, мы запросто сгинуть способны. И малышку погубить, что самое страшное.

Лукавит наша подруга, лукавит. Никакие они не бестолковые, в нужный момент не хуже других убивают. А то и лучше, если сравнивать, например, с Фришей. Просто и они не хотят странствовать по отдельности, вот какая штука, даже если дорога ведет прочь от крови и войны.

Мы слишком сильно привязались друг к другу. В этом наша сила. Но и слабость — тоже. Я давно это понял, но именно сейчас осознал, насколько верны мои предположения.

Люсиль никак не хотела уgomониться, она снова и снова пискляво тянула одну ноту, жалуясь на какую-то свою детскую беду.

— Чего она так орет? — не выдержал Карл. — Может, ей еще пожрать дать?

— Все же какие бестолковые эти благородные, — раздался из темноты девичий голос. — Ребенок обделался, скоро глотку надорвет, а они все о еде толкуют!

ГЛАВА 3

— А то без тебя не сообразила бы! — язвительно заметила Миралинда не моргнув глазом. — Одна ты у нас умная!

— Уж не дура, — не полезла за словом в карман Фриша, голос которой мы все, само собой, сразу узнали. — Не сомневайся.

Они вышли из ночного мрака, окончательно сгустившегося над развалинами, один за другим — Мартин, Жакоб, Фриша.

Все-таки мы собрались вместе — все, кто уцелел тогда у переправы. Вопреки всему уцелел.

— Шикарно выглядите, — сообщил Карл вновь прибывшим и полез обниматься с Фришей. — Богато!

И правда, эта тройца более всего смахивала на зажиточных дворян, а не на лесных разбойников, которыми, по сути, и являлась. Камзолы с изысканной вышивкой, дорогие шелковые плащи с меховым подбоем, толстые золотые цепи на шеях мужчин, серьги с розовым жемчугом в ушах Фриши, перстни с поблескивающими драгоценными камнями на пальцах... В общем, впечатляло.

— Есть такое, — не стал спорить Мартин, смахнув несуществующую пылинку с плеча. — Приделались за прошедший год, да и благосостояние свое поправили неплохо. Империя, знаете ли, нуждается в деньгах, которые она особенно резво начала трясти с земель, раньше называвшихся герцогствами. Те-то в старые времена никому ничего не платили, жирок на боках у них изрядный вырос, вот Линдус его и решил немного подтопить. Как тут удержаться и не отщипнуть крошку-другую от такого пирожка? Обозы-то с добром по лесным дорогам едут, других нет. А лес — это уже наша территория, там мы хозяева.

— А, так вы не разбойничали, а вжимали дорожную пошлину? — не удержалась от колкости де Фюрьи. — Это в корне меняет дело!

— Называй как хочешь, — разрешил ей Мартин, усаживаясь рядом со мной. — Главное — результат.

В этот момент ребенок, перепеленатый Миралиндой, весело загукал, словно подтверждая его слова.

— Не могу не спросить. — Фриша подошла к Миралинде, которая знай покачивала девочку на руках. — Это кто? И самое главное — зачем? Или что-то изменилось, мы уже никуда не идем, просто посидим у костерка, поболтаем и разойдемся?

— Это Люсиль, — дружелюбно ответила ей Магдалена вместо подруги. — Дочь Эраста.

Фриша от удивления остолбенела, открыла рот, несомненно желая что-то сказать, но, как видно, не нашла слов, после повернулась к Розе и развела руки в стороны, давая понять собравшимся, что она потрясена.

— Нет-нет-нет, — снова начала заводиться моя избранница. — Это не мой ребенок! Не мой! Это подарок богов вот этому негодяю!

— Совсем непонятно, — пожаловался Жакоб Карлу.

— И не говори, — протянул ему ломоть ветчины с куском хлеба Фальк. — Сам сижу, глазами хлопаю. Короче, не бери в голову, они и без нас разберутся.

Прозвучало данное утверждение весьма оптимистично, вот только на деле все обстояло не так весело.

— Дела... — Мартин снял шляпу и взъерошил волосы. — Чудны пути богов и их проказы. Вот только мы через горы с этим подарком не пройдем, это точно. Вернее, не перенесет дите похода. Там холодно, и людских поселений почти совсем нет, разве что в предгорьях. А наверху, на перевале, только гнома встретить возможно, да еще и неизвестно, к добру ли такая встреча. Они, гномы, разные бывают. В общем, если не от простуды, то от голода девчушка умрет неминуемо. Ее же солониной и сухарями не накормишь, ей молоко нужно. Ну или чего там такая мелкота в пищу употребляет?

— Так и есть, — покивала Фриша. — Мы кое с кем за этот год пообщались из лесных работников, много чего узнали. У нас ведь там разный народ имелся, встречались и те, кто вволю по Серым горам полазал. Скверные там места, недружелюбные. Не хуже тех, где мы уже бывали, но все равно тащить туда ребенка — смерти подобно.

— И что делать? — растерянно спросил я. — Ну не в Халифаты же Люсиль отправлять, в самом деле?

— А давайте ее к нам в лес спровадим? — предложил вдруг Мартин. — Почему нет? Лето на носу, самое то выходит. Свежий воздух, чужие там не ходят, да и с молочком сложностей не возникнет. Я своим людям скажу, они все, что надо, для нее добудут. Ну и вообще присмотрят.

— Так-то до твоих лесов куда ближе, чем до Халифатов, — задумчиво произнес Гарольд. — Дней десять мы на этом потеряем, не более.

— Вообще ничего не потеряем, — отмахнулась Фриша. — Мы не одни приехали, милях в трех отсюда дюжина крепких парней осталась. Мы же не знали — прибудет кто из вас сюда, нет, потому взяли с собой бойцов, чтобы, значит, если что — не с пустыми руками домой вернуться. Через два дня обоз одного купца по дороге из Талькстада пойдет, он шелк везет в Форнасион на продажу. Толстопуз этот ученый уже, владения наши обогнул по дуге, подлюка такая, но это не значит, что ему не придется заплатить лесную пошлину.

— Шелк — хороший товар, — заметила Роза. — Дорогой.

— Именно, — подмигнула ей Фриша и рассмеялась.